

исследователях, часто используют фразу «как много они знают, как мало они понимают», хотя в отношении некоторых ревизионистов вызывает сомнение и знание, и понимание¹.

Ч. Фаирбанкс справедливо отметил, что здравый смысл указывает на то, что множество людей было убито в годы сталинского террора, однако советология со своими средствами, специальными методами, углубленными исследованиями оказалась неспособна четко сформулировать эту правду². Добавим лишь, что вплоть до сегодняшнего дня многие аспекты сталинского террора и истории ГУЛАГа остаются спорными как для англо-американской, так и для российской историографии, и даже вопрос о том, насколько мы приблизились к пониманию этих вопросов, остается предметом спора как исторического сообщества, так и российского социума.

Мотревич В.П.,
профессор кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета,
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования Российской Федерации
E-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

ЛАГЕРЯ ГУПВИ НКВД СССР И ЗАХОРОНЕНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: 1942–1950 ГОДЫ

В годы Великой Отечественной войны Советской Армией были взяты в плен 4 377,3 тыс. иностранных военнопленных. После разгрома Квантунской армии число военнопленных увеличилось еще на 639,6 тыс. человек. Кроме того, в СССР были интернированы 208,2 тыс. человек, годных к физическому труду и способных носить оружие, а также 61,6 тыс. арестованных функционеров низовых нацистских партийных и административных органов. В плен попали и более 200,0 тыс. граждан СССР, принимавших участие в войне на стороне Германии и ее союзников³.

Значительное количество военнопленных с 1942-го по 1950-й находилось на территории Молотовской области. Впервые сведения о них появились в статье пермского журналиста В.А. Кропмана, в дальнейшем об этом писал краевед из Краснокамска П. Петерс⁴. Некоторые сведения о наличии на территории бывшей Молотовской области иностранных военнопленных содержатся в монографии А.Б. Сулова, а также в публикациях В.П. Мотревича, посвященных выявлению и благоустройству иностранных воинских кладбищ в Уральском регионе⁵. Большой интерес к проблеме нахождения военнопленных в СССР, в том числе и в Молотовской области, проявляют и зарубежные исследователи⁶.

Интерес к судьбам иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР стал реализовываться в нашей стране в начале 1990-х. Причина заключалась в рассекречивании части документальных материалов Особого архива. Внимание к проблеме усилилось и в связи с подписанием Союзом ССР, а впоследствии и Российской Федерацией со странами, нашими противниками в годы Второй мировой войны, соглашений о статусе воинских захоронений. В 1991 году были заключены соглашения с Японией и Итальянской Республикой, в 1992 году – с Финляндской Республикой и Федеративной Республикой Германией, в 1995 году – со Словацкой и Венгерской Республиками, в 2005 году – с Румынией⁷.

¹ *Conquest R.* Review the book «Life and Terror in Stalin's Russia» by R. Thurston // *National Review*. 1996. Vol. 48. Is. 13. P. 45–49.

² *Fairbanks C.* Reviews two books about Josef Stalin: «Stalin: Breaker of Nations» by Robert Conquest and «The Great Terror: A Reassessment» by Robert Conquest // *National Review*. 1992. Vol. 44. Is. 3. P. 45–49.

³ Военнопленные в СССР, 1939–1956. Документы и материалы. М.: Логос, 2000. С. 11–12.

⁴ *Кропман В.А.* Неизвестные кладбища // *Пермские новости*. 1992. № 21 (77). 23 мая; *Петерс П.* Забытые кладбища // *Краснокамская звезда*. 1995. 18 апреля.

⁵ *Мотревич В.П.* Иностранные воинские захоронения Второй мировой войны на Урале: численность, правовой статус, благоустройство // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2011. № 5. С. 65–73; *Мотревич В.П.* Выявление и благоустройство мест захоронений военнопленных Второй мировой войны и интернированных иностранных граждан на территории Уральского региона в 1991–2011 гг. // *Сотрудничество власти и общества в сфере сохранения военно-мемориальных сооружений: история и современность*. Оренбург: ОГАУ, 2013. С. 131–141; *Сулов А.Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург: Урал. гос. ун-т; Перм. гос. пед. ун-т, 2003. 384 с.

⁶ *Karner S.* Im Archipel GUPVI. Wien; München, 1995; *Orte des Gewahrsams von deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956)*. Finbuch. Dresden. Kassel. Moskau. München. 2010.

⁷ *Бюллетень международных договоров*. 1996. № 12. С. 31–32.

В связи со сложившейся ситуацией в октябре 1992 года в Управление внутренних дел (далее – УВД) Пермской области с официальным запросом о нахождении на территории области иностранных военнопленных обратился Председатель подкомитета по делам военнопленных и пропавших без вести Комитета по делам инвалидов, ветеранов войны и труда, социальной защиты военнослужащих и членов их семей Верховного Совета Российской Федерации Ю.А. Смирнов. В ответе на запрос начальник Информационного центра УВД Пермской области (далее – ИЦ УВД Пермской области) А.П. Герасимов сообщил, что с 1944-го по 1950-й на территории области дислоцировались три лагеря для военнопленных. Это лагеря для военнопленных № 207, 346 и 366 Главного управления по делам военнопленных и интернированных (далее – ГУПВИ) НКВД СССР. Лагерь № 207 был образован в июне 1944 года, ликвидирован в апреле 1950 года; лагерь № 346 был образован в июле 1945 года, в апреле 1946 года управление лагеря было ликвидировано, а его лагерные подразделения были переданы лагерю № 366; лагерь № 366 был образован в июне 1944 года, ликвидирован в апреле 1950 года¹.

Таким образом, по данным ИЦ УВД Пермской области, на территории области находились три лагеря для военнопленных, однако анализ как архивных, так и опубликованных в настоящее время материалов свидетельствует о том, что в действительности лагерей ГУПВИ НКВД СССР в Молотовской области было значительно больше. Помимо указанных в справке ИЦ УВД Пермской области лагерей № 207, 346 и 366, в 1942–1950 годах в области существовали и лагеря № 88, 96, 241 и 519. Кроме того, здесь же находились четыре отдельных рабочих батальона, а также два спецгоспиталя. Лагеря № 96 и № 88 были открыты в Молотовской области 23 ноября 1942 года, а закрыты 24 февраля 1943 года. Первый из них находился в Березниках. Место второго на территории области в документах не указано. А 6 октября 1943 года в Молотовской области был открыт лагерь № 241. Первое отделение лагеря находилось в г. Половинка (ныне Углеуральск). Местоположение второго отделения изданный несколько лет назад в Касселе и подготовленный на материалах Российского государственного военного архива (далее – РГВА) справочник «Orte des Gewahrsans von deuschen Kriefsgefangenen in der Sowjetunion (1941–1956)» определяет как Урицкий. Четвертое отделение находилось в Соликамске (пос. Боровск), пятое – на ст. Баская. Кроме того, еще одно отделение лагеря, по-видимому, третье, находилось в пос. Всеволодово-Вильва Александровского района. На Западном Урале лагерь № 241 функционировал до 30 апреля 1944 года, а затем он был переведен в Крым. В справочнике упоминается также лагерь № 519 (28.04.1945 – 17.10.1945). Однако место его нахождения не определено.

Летом 1944 года на территории области стал формироваться лагерь № 207 ГУПВИ НКВД СССР, и 21 июля 1944 года были открыты два его отделения. Первое отделение находилось в Краснокамске и было закрыто 29 апреля 1950 года. Второе находилось в Соликамске и действовало до 18 апреля 1948 года. Впоследствии были открыты еще 18 отделений этого лагеря. Третье отделение лагеря № 207 ГУПВИ НКВД СССР размещалось в Лысьве (12.08.1944 – 02.06.1949), четвертое – в Соликамске (09.09.1944 – 18.08.1948), пятое – в Нижней Курье (09.10.1944 – 18.08.1948) и на Гайве (27.04.1945 – 15.01.1946), шестое – в Краснокамске (13.12.1944 – 16.11.1949), седьмое – в Лысьве (05.01.1945 – 29.04.1950), восьмое – в Краснокамске (24.04.1945 – 01.06.1950), девятое – в Нижней Курье (15.08.1945 – 1948), в Чусовом (24.04.1945 – 31.05.1949), десятое – в Чусовском районе возле Теплой горы (18.05.1945 – 29.03.1949), одиннадцатое – в Нижней Курье (31.05.1945 – 01.06.1950), двенадцатое – в Юго-Камске (06.06.1945 – 16.11.1949), тринадцатое – в Молотове (18.06.1945 – 29.04.1950), четырнадцатое – в Кизеле (18.06.1945 – 21.07.1949), пятнадцатое – в Чердыни (29.06.1945 – 22.06.1948), шестнадцатое – в Добрянке (07.07.1945 – 28.08.1948), семнадцатое – в Краснокамске (27.07.1945 – 29.04.1950), восемнадцатое – в Кизеле (27.07.1945 – 31.03.1947), девятнадцатое – в Чусовом (19.7.1945 – 18.08.1948), двадцатое – в Лысьве (28.07.1945 – 07.08.1947).

В июне 1945 года в Молотовской области был также открыт лагерь № 346 ГУПВИ НКВД СССР в составе 9 отделений. Второе отделение лагеря находилось в Молотове (09.06.1945 – 03.04.1946), третье – в Половинке (09.06.1945 – 03.04.1946), четвертое – в Губахе (09.06.1945 – 03.04.1946), пятое – в Губахе (09.06.1945 – 03.04.1946), шестое – в Губахе (09.06.1945 – 03.04.1946), седьмое – на ст. Баская (09.06.1945 – 03.04.1946), восьмое – в Молотове (09.06.1945 – 03.04.1946), девятое – в Кизеле (09.06.1945 – 03.04.1946), десятое – на ст. Баская (09.06.1945 – 03.04.1946). В июле 1945 года были организованы еще пять отделений этого лагеря. Это три отделения в Кизеле: первое (07.07.1945 – 03.04.1946), двенадцатое (07.07.1945 – 03.04.1946) и тринадцатое (07.07.1945 – 03.04.1946), четырнадцатое – в Гремячинске (07.07.1945 – 03.04.1946) и пятнадцатое – на ст. Баская (12.07.1945 – 03.04.1946). Сведений о существовании одиннадцатого лагерного отделения лагеря № 346 нами не обнаружено. Лагерь № 346 был ликвидирован 3 апреля 1946 года, и на его базе был создан лагерь № 366 в составе пяти отделений. Это пятое, седьмое и восьмое отделения в Кизеле (03.04.1946 – 13.01.1947), шестое в Гремячинске (03.04.1946 – 13.01.1947) и девятое в Кунгуре (03.04.1946 – 01.01.1947). Затем 18 мая 1945 года были созданы еще 4 отделения. Первое находилось в Усолье (18.05.1945 – 01.01.1947), второе, третье (18.05.1945 – 13.01.1947) и четвертое (18.05.1945 – 03.10.1946) – в Соликамске. В октябре 1946 года в Лысьве было организовано десятое отделение (03.10.1946 – 13.01.1947).

¹ Личный архив В.П. Мотревича.

В конце войны и после ее окончания в Молотовскую область стали направлять интернированных иностранных граждан в составе отдельных рабочих батальонов Министерства обороны СССР. Всего за 1945–1949 годы на территории области располагались четыре рабочих батальона. Это ОРБ № 427 (Ергач, 01.09.1945 – 25.10.1948), ОРБ № 1093 (Кизел, 01.03.1947 – 14.08.1947), ОРБ № 1751 (Кунгур, 20.02.1945 – 26.12.1949) и ОРБ № 1752 (Краснокамск, 24.02.1945 – 26.12.1949). В военные и первые послевоенные годы в Молотовской области действовали и два спецгоспиталя. Спецгоспиталь № 3952 в 1945–1947 годах размещался в Лысьве, а спецгоспиталь № 5939 в 1945–1949 годах находился в деревне Григорьевка Нытвенского района¹.

Во время нахождения в плену в силу разных причин многие пленные умирали. Согласно имеющимся документам в советских лагерях для военнопленных умерли более 580,0 тыс. человек². В начальный период войны учет умерших пленных велся неудовлетворительно, несмотря на приказ НКВД СССР от 7 августа 1941 года. Приказом была утверждена инструкция «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД», которая определяла порядок извещения о смерти пленных, их погребения и выдачи имущества умерших родственникам. В соответствии с инструкцией смерть каждого пленного должна была быть удостоверена актом медосмотра. Сообщение о смерти должно было направляться в Управление НКВД по делам о военнопленных и интернированных. Вместе с сообщением о смерти в управление должны были высылаться копия истории болезни в двух экземплярах (на умерших в стационарах), акт о смерти, акт патологоанатомического вскрытия (если оно производилось) и акт о погребении. Патологоанатомическое вскрытие трупов умерших в стационаре военнопленных должно было в обязательном порядке производиться в тех случаях, когда смерть наступала в первые 48 часов с момента госпитализации. Для получения точных сведений об умерших 13 августа 1943 года была издана директива НКВД СССР № 413 «О порядке учета умерших военнопленных». Ею утверждалась Инструкция по оформлению документов персонального учета на умерших военнопленных в лагерях и госпиталях НКВД. Директива обязывала начальников лагерей и госпиталей предоставить достоверные учетные данные на умерших во время войны. Для этого по каждому умершему собирались сведения, которые группировались в десяти различных списках. Например, список № 1 составлялся на умерших военнопленных, учетные дела которых были представлены в управление. В списке должны были быть указаны следующие сведения: фамилия, имя и отчество, национальность, год рождения, воинское звание и номер учетного дела³.

Учитывая, что умерших в ряде лагерей и госпиталей иногда хоронили в случайных, не отведенных для этих целей, местах, 24 августа 1944 года вышла директива ГУПВИ НКВД СССР «О захоронениях военнопленных». Документом предусматривалось для захоронения умерших военнопленных отводить в непосредственной близости от лагеря или госпиталя специальные участки свободной земли. Участки должны были быть огорожены колючей проволокой и разбиты на квадраты. В каждом квадрате должно было быть пять рядов могил по пять могил в каждом ряду. В квадрате захоронения должны были производиться в определенном порядке: начиная с верхнего ряда (если смотреть в плане) слева направо. На каждую могилу необходимо было установить опознавательный знак – прочный кол с прибитой к нему в верхней части дощечкой, лучше всего из фанеры. На ней должны были быть указаны в числителе номер могилы, в знаменателе номер квадрата. В ряде случаев на могиле устанавливали металлический стержень с приваренной к нему металлической табличкой. Писать фамилию и имя умершего запрещалось, однако это требование не всегда соблюдалось. Для учета умерших военнопленных и мест их захоронений в каждом лагере или лагерном отделении заводили кладбищенские книги. В нее вносились следующие сведения: фамилия, имя, отчество, год рождения, национальность, воинское звание, дата смерти и дата захоронения, номер могилы и номер квадрата в котором был захоронен умерший. К кладбищенской книге прилагался план кладбища с разбивкой его на квадраты, указанием номеров квадратов и номеров имеющихся могил. Дополнительно к этой книге для оперативного поиска заводилась алфавитная книга. В нее на соответствующую букву заносились фамилия, имя и порядковый номер умершего, под которым он был записан в кладбищенской книге. Кладбища должны были быть огорожены, чтобы на их территорию не проникал скот, а также чтобы население не растаскивало таблички⁴.

Следует отметить, что данная директива на местах выполнялась далеко не всегда. Поэтому в целях проверки и контроля 7 декабря 1945 года была издана директива ГУПВИ НКВД СССР № 28/74 «Об учете умерших военнопленных». В ней отмечалось, что в ряде случаев розыск могил умерших становился невозможным, так как отведенные под кладбища участки не охранялись, опознавательные знаки на могилах не устанавливались, кладбищенские книги велись небрежно, а акты о смерти зачастую не называли даже причин, вызвавших смерть военнопленных. Для проверки соблюдения порядка

¹ Orte des Gewahrsans... S. 100–102, 258, 322, 323.

² Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 44–45.

³ Военнопленные в СССР: 1939–1956 гг. Документы и материалы / сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. М.: Логос, 2000. С. 162, 446–449.

⁴ Российский государственный военный архив. Ф. 1. Оп. 15. Д. 341. Л. 26.

захоронения умерших военнопленных создавались специальные комиссии из состава оперативных работников НКВД. Этим комиссиям поручалось на местах проверять порядок захоронений и состояние учета умерших. Директивой запрещалось захоронение трупов в общих могилах и без нательного белья. Умерших офицеров необходимо было хоронить в белье и в верхней одежде¹.

В конце 1940-х в связи с приближением сроков окончания репатриации контроль состояния мест захоронений военнопленных и интернированных был передан городским и районным отделам МВД. Распоряжением МВД СССР № 324 от 24 мая 1949 года кладбища военнопленных и интернированных передавались под надзор местным органам МВД. Для этого начальники управлений лагерей МВД, лагерных отделений, спецгоспиталей и командиры рабочих батальонов должны были привести все кладбища в надлежащий порядок. Необходимо было поправить ограды, опознавательные знаки, надгильные холмики и т. д.² Таким образом, на протяжении послевоенных лет, а часто и в 1960–1970-х многие кладбища военнопленных и интернированных находились на балансе местных Советов под надзором органов МВД. Сохранились многочисленные справки и акты их осмотров с описанием состояния захоронений на дату проверки. Имеются и материалы хозяйственных служб на местах, которые отвечали за содержание данных захоронений. Среди них отчеты о состоянии данных кладбищ и затратах на их содержание³.

Прибывшие на западный Урал военнопленные были сильно ослаблены, условия их пребывания, особенно в первое время, были достаточно тяжелыми. В 1944–1950 годах количество умерших иностранных граждан в Молотовской области составило 1 455 человек, в том числе 1 298 военнопленных и 157 интернированных. Необходимо отметить, что это далеко не полные данные вследствие плохо налаженных тогда в лагерях делопроизводства и учета умерших военнопленных. Лучше других этот учет был налажен в лагере № 207 ГУПВИ НКВД СССР (в РГВА отложились сведения по семнадцати из двадцати его отделений). Всего, по данным учета смертности контингента, за годы существования лагеря № 207 в нем умерли 1 084 военнопленных. В РГВА имеются сведения об умерших в спецгоспиталях и четырех ОРБ. В лагерях № 346 и 366 в большинстве лаготделений документация по умершим не велась. Можно также предположить, что кладбищенская документация данных лагерей в свое время просто не была передана на государственное хранение и затеряна где-то в глубинах ведомственных архивов. Так, в РГВА кладбищенская документация имеется только по первому и четвертому отделениям лагеря № 366 (всего было 10 отделений), по третьему отделению лагеря № 346 (всего было 14 отделений), отсутствует кладбищенская документация по 24 лагерным отделениям из 44 в лагерях № 207, 346 и 366, нет данных по лагерям № 88, 96, 241 и 519. Численность же контингента в этих лагерях была весьма значительной. Так, в лагере № 88 она составляла приблизительно 5,0 тыс., в лагере № 96 – от 2,0 до 3,0 тыс., в лагере № 519 – 4,0 тыс. человек⁴. Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что умерших в Молотовской области иностранных военнопленных и интернированных граждан в действительности было значительно больше. Причина существующего недоучета – плохая организация делопроизводства в лагерях ГУПВИ НКВД СССР по Молотовской области и низкое качество первичной документации по контингенту.

В связи с необходимостью выполнения международных обязательств Российской Федерацией летом 1994 года по поручению Ассоциации «Военные мемориалы» автором данной статьи на основании выявленных работниками бывшего Особого архива кладбищенской документации было проведено обследование состояния иностранных воинских захоронений на территории современного Пермского края. В ходе поисковых работ было установлено, что предоставленная архивом документальная база по иностранным воинским захоронениям области является весьма неполной. При этом в ходе обследования выяснилось, что даже имеющиеся схемы размещения кладбищ на местности были выполнены, как правило, некачественно, а по некоторым из них привязки и ориентиры вообще отсутствовали, архивная документация имела всего на 28 мест захоронений, которые предстояло найти и обследовать.

Следует отметить, что проведенное нами в 1990-е годы обследование состояния иностранных воинских захоронений на территории Кировской, Курганской, Оренбургской, Свердловской и Тюменской областей показало, что многие из этих кладбищ существуют и в настоящее время. Причин этому несколько. Во-первых, Урал – это тыловой район, здесь не было военных действий, оккупации, в результате отношение к военнопленным и их могилам здесь было иным, чем на западе страны. Во-вторых, следует брать во внимание состав населения края, поскольку немалую часть жителей края составляли люди, сами пострадавшие от существовавшего режима и находившиеся на Урале в ссылке или заключении. В-третьих, из-за меньшей, по сравнению с более освоенными западными районами,

¹ Военнопленные в СССР: 1939–1956 гг. Документы и материалы / сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. М.: Логос, 2000. С. 479–480.

² Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 43.

³ Военнопленные в СССР: 1939–1956 гг. Документы и материалы / сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. М.: Логос, 2000. С. 447, 462–463.

⁴ Orte des Gewahrsans... S. 99–101.

плотности населения на Западном Урале многие захоронения просто не оказались в зоне хозяйственной деятельности.

Как уже отмечалось, лучше всего кладбищенская документация сохранилась по лагерю № 207 ГУПВИ НКВД СССР. Она имеется по лагерным отделениям № 1–8, 11–13, 16, 18. Проведенное обследование показало, что в Краснокамске практически полностью сохранилось кладбище первого лагерного отделения, расположенное в районе мясокомбината. На кладбище отчетливо просматриваются могильные холмики, оно обнесено деревянным забором. Хорошо сохранился и участок захоронения военнопленных на гражданском кладбище в Добрянке. Могильные холмики на указанном кладбищенской схемой месте отчетливо видны и на месте захоронения военнопленных в районе тюрьмы Кизела. Сохранилось место захоронения 32 военнопленных седьмого лаготделения на Южном кладбище в Перми, на котором местными властями был даже установлен небольшой памятник. В ряде случаев внешние признаки захоронений отсутствовали, но указанные на схемах места оказались вне хозяйственной деятельности. Наличие там захоронений военнопленных подтверждал опрос местных жителей. Это относится к захоронениям военнопленных четвертого лаготделения в Соликамске, пятого лаготделения в Нижней Курье, шестого лаготделения в Юго-Камске, восьмого лаготделения в районе ст. Пролетарская в Перми, одиннадцатого лаготделения в Усьве и двенадцатого лаготделения в Кунгуре. Однако многие иностранные воинские захоронения на территории Пермского края оказались в зоне хозяйственной деятельности и не сохранились. Так, на месте кладбища второго лагерного отделения на ст. Бахаревка в настоящее время разбит коллективный сад, кладбище пятого отделения в пос. Гайва оказалось на территории войск тыла МВД, в Углеуральске (Половинка) на месте одного участка захоронений военнопленных в настоящее время находится мусульманское кладбище, а другого – жилые дома, не сохранился участок захоронения военнопленных тринадцатого лаготделения в Губахе в районе Крестовой горы на территории гражданского кладбища, на месте другого кладбища этого же отделения в Соликамске построены дома частного сектора, возведены дома на месте двух захоронений и в Гремячинске.

Кладбищенская документация по лагерям № 346 и 366 имеется только по трем отделениям. Обследование показало, что на месте кладбища первого отделения лагеря № 366 в Березниках находится пустырь, а место захоронения пленных четвертого лаготделения в районе с. Усть-Пожва Юсьвинского района расположено в лесу, и внешних признаков кладбища там также не имеется. Сохранилось и место захоронения военнопленных третьего отделения лагеря № 346 в Гремячинском районе недалеко от ст. Баская. Обследование территории вокруг пос. Всеволодово-Вильва в Александровском районе, где по данным учетных карточек военнопленных лагеря № 241 умерли 186 итальянцев, показало, что место захоронения расположено в районе очистных сооружений. В Нытвенском районе, около Григорьевки, полностью сохранилось кладбище спецгоспиталя № 5939, на котором были захоронены 60 человек. Судя по всему, сохранилось и место захоронения умерших в спецгоспитале № 3952 на окраине Лысьвы, хотя внешние признаки кладбища отсутствуют, на участке захоронения интернированных ОРБ № 1751 на городском Всесвятском кладбище в Кунгуре были произведены повторные погребения, в Краснокамске на месте кладбища ОРБ № 1752 построено здание, а на гражданском кладбище в Соликамске на месте захоронения интернированных ОРБ № 1093 установлена памятная плита.

Существующая нормативная база и обнаруженные иностранные воинские кладбища позволили во второй половине 1990-х посещать места захоронения заинтересованным зарубежным организациям и производить на них благоустроительные работы. Первой, интересующая этим вопросом, Пермскую область летом 1994 года посетила делегация Итальянской Республики. По итогам ее визита в пос. Всеволодово-Вильва и на Крестовой горе в Губахе на местах захоронения военнопленных итальянцев были установлены памятные знаки. В 1998–2004 годах Венгерская Республика совместно с ассоциацией «Военные мемориалы» благоустроила два иностранных воинских кладбища в Перми (в пос. Гайва и на ст. Бахаревка) и одно кладбище в Краснокамске. Кроме того, памятные знаки на местах захоронения были установлены в Григорьевке, Губахе, Кунгуре, Краснокамске, Лысьве, на Южном кладбище в Перми, а также в Кировском и Орджоникидзевском районах областного центра.

В связи с подписанием международных соглашений начинают заниматься проблемой иностранных воинских захоронений и органы государственной власти и управления на местах. Распоряжением губернатора Пермской области Б.Ю. Кузнецова от 22 апреля 1995 года № 133-р «О мерах по реализации межправительственных соглашений об обеспеченности сохранности и порядка содержания иностранных воинских захоронений на территории области» главам администраций городов районов области, имеющим на подведомственной территории иностранные захоронения, вменялось провести их учет, отнести их к категории земель, не подлежащих приватизации, и принять необходимые меры по приведению их в надлежащий порядок. В соответствии с распоряжением губернатора необходимые меры принимали городские и районные власти Пермской области. Так, распоряжением главы местного самоуправления г. Соликамска от 31 мая 1995 года № 146-р занятые под иностранными военными захоронениями земельные участки были отнесены к категории земель, не подлежащих приватизации, жилищно-коммунальным хозяйствам поручалось привести их в надлежащий порядок¹.

¹ Личный архив В.П. Мотревича.

Таким образом, в 1942–1950 годах на территории Молотовской области располагались семь лагерей ГУПВИ НКВД СССР, два спецгоспиталя и четыре отдельных рабочих батальона Министерства обороны СССР, всего за эти годы по далеко не полным данным в области умерли 1 455 иностранных военнопленных и интернированных граждан. В настоящее время на основании межгосударственных соглашений Российской Федерации на территории Пермского края благоустроены три кладбища иностранных военнопленных, на местах их захоронений также установлены десять памятных знаков.

Пономарев С.Б.,
начальник филиала (г. Ижевск) ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор медицинских наук, профессор,
заслуженный врач Российской Федерации

Подполковник внутренней службы
Пустовалов А.Р.,
ведущий научный сотрудник филиала (г. Ижевск) ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук

Подполковник внутренней службы
Черенков А.А.,
ведущий научный сотрудник филиала (г. Ижевск) ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат медицинских наук, заслуженный врач Удмуртской Республики

Майор внутренней службы
Бурт А.А.,
старший научный сотрудник филиала (г. Ижевск) ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат медицинских наук
E-mail: albinaburt@mail.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ МЕДИЦИНА ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Минуло уже почти 70 лет со дня окончания Великой Отечественной войны. Все меньше становится ее непосредственных участников и тем больший интерес возникает к тому времени. Например, правда о вкладе заключенных и персонала ГУЛАГа в Победу и деятельность медицинской службы управления лагерей в годы Великой Отечественной войны. Для более полного осмысления исторической картины того времени уместно более детально осветить обстоятельства возникновения и развития медицинской службы системы исполнения наказаний Советской России, вспомнить еще раз об истории ГУЛАГа.

Первые лагеря для заключенных появились в Советской России в середине 1918 года и первоначальная их цель – защита Советской Республики от «классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях». 23 июля 1918 года Наркомат юстиции издал временную инструкцию «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового», где были сформулированы основные принципы новой тюремной политики: самокупаемость и полное перевоспитание заключенных.

17 мая 1919 года Всероссийский центральный исполнительный Комитет (ВЦИК) принял постановление «О лагерях принудительных работ», которым учреждалось два вида лагерей: обычные и особые (для наиболее опасных противников советской власти). В первые годы советской власти свои места заключения имели различные ведомства – Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), НКВД и Наркомат юстиции. 12 октября 1922 года все лагеря подчинили НКВД. В этом ведомстве за лагеря и тюрьмы отвечали Главное управление местами заключения, Главное политическое управление и Главное управление рабоче-крестьянской милиции.

Принятым 11 июля 1929 года постановлением Совета народных комиссаров «Об использовании труда уголовно-заключенных» создавались две параллельные структуры в местах лишения свободы: в ведении ОГПУ СССР – лагеря и в ведении республиканских НКВД – колонии. Через год в составе ОГПУ было создано Управление лагерей ОГПУ, получившее через несколько месяцев статус главного управления – ГУЛаг ОГПУ. Кроме того, в составе ОГПУ оказались и места жительства спецпереселенцев. Постановлением СНК СССР 7 апреля 1930 года утверждается Положение об исправительно-трудовых лагерях.

В феврале 1941 года непосредственно перед началом Великой Отечественной войны прошла очередная реформа НКВД, в результате которой за различные места заключения отвечали 11 управлений